

Ян Е медленно приподнял голову. Его голос звучал хрипло, безжизненно, из него словно выкачали все силы:

— Лин Шу, ты так долго всматриваешься в это письмо... Что же ты там выискиваешь? Разве ты не видишь, как князь Чжао бьётся на границе? Рискует жизнью, не сходя с седла, не зная отдыха? Пока вы здесь, в Лояне, утопаете в роскоши, прожигаете дни в пьяном угаре под звуки песен и плясок! Кто-то замерзает в степи под тоскливые напевы цянской флейты, а кто-то щеголяет в столице в расшитых золотом шелках. И после этого ты смеешь обвинять его в мятеже? Если ты назвал его бунтовщиком, значит, так оно и есть? Думаешь, выбьешь из меня признание пытками? Жалкая уловка. Не на того попал! Не подпишу.

Лин Шу помолчал, разглядывая его холодным, отрешённым взглядом.

— Не надейся, это ещё цветочки, — ровно проговорил он. — Я ведь даже не пустил в ход ни «Объятия, полные золота и нефрита», ни «Тонкую талию, лёгкую на ладони», ни «Песнь водных глубин». Впрочем... кое в чём ты ошибаешься. Всё совсем не так, как ты себе намалевал.

— И в чём же я ошибаюсь? — огрызнулся Ян Е. — Если есть что сказать — выкладывай прямо, нечего тут цедить сквозь зубы.

Лин Шу скользнул по нему равнодушным взглядом.

— Лучше оставайся в блаженном неведении.

— У вас там отвара из женишеня не осталось? — спросил Ян Е, криво усмехнувшись. — Дай хоть глоток сделать. А то сил совсем нет. Сдохну ведь, и при всём желании не смогу подписать твою писанину.

— Принесите, — кивнул Лин Шу одному из подручных.

Тот послушно вышел и вскоре вернулся с чашей тёплого отвара. Ян Е жадно, глоток за глотком, выпил всё до капли, шумно переводя дыхание. Немного придя в себя, он с вызовом вскинул голову:

— Все эти твои штучки... как их там... «Объятия, полные золота и нефрита», «Тонкую талию, лёгкую на ладони» — да делай что хочешь, всё равно не удержишь. Мне даже любопытно взглянуть, до чего додумался твой извращённый ум. Но скажи мне, Лин Шу... Ты ведь ещё молод. Какого чёрта ты торчишь в этой вонючей дыре и целыми днями возишься с пыточными орудиями, вместо того чтобы развлекаться на воле, пить вино да ласкать девок? Ты ведь больной ублюдок, верно? Признай, у тебя просто крыша поехала! Я слышал, такой хворью страдают только евнухи во дворце. Или ты тоже... больше не мужик? Не можешь иначе выпустить пар, вот и исходишь злобой? Знаешь, у меня есть совет: нашёл бы себе крепкого мужика, чтобы отодрал тебя как следует. Увидишь, сразу полегчает, и желчь из души уйдёт.

Поверь мне, я дело говорю!

Лин Шу слегка повёл бровью. Его длинные, изогнутые ресницы дрогнули, а взгляд застыл на углу каменной стены. После недолгого молчания он тихо произнёс:

— Я не могу тебя убить. Но я могу убить кого-нибудь на твоих глазах. Покажу тебе кое-что интересное.

Ян Е презрительно ухмыльнулся:

— Режешь курицу, чтобы припугнуть обезьяну?

Лин Шу махнул рукой стражникам:

— Приведите того уездного судью из Юньяна. Того, что проворовался и до сих пор отпирается.

Спустя минуту двое дюжих подручных притащили осуждённого на смерть. Это был мужчина лет тридцати. Стоило ему увидеть Лин Шу, как лицо его сделалось мертвенно-бледным, а тело забилося в безудержной дрожи.

Лин Шу с бесстрастным любопытством оглядел пленника.

— Дун Чунь, сними с него кожу, — скомандовал он. — Но только с конечностей. Торс не трогай. А ты, маркиз Хуайнань, если у тебя действительно есть яйца, смотри до конца и не отворачивайся.

— Смотреть? Да ради бога! — фыркнул Ян Е. — Ты думаешь, я, как ты, ни рыба ни мясо? Думаешь, струшу?

Дун Чунь, исполнявший обязанности палача, был молодым крепким парнем. Когда-то он вместе со своим младшим братом Дун Гэ зарабатывал на жизнь мясницким ремеслом. Свиные туши они разделявали с таким пугающим мастерством, что случайный тюремный надзиратель, поражённый их ловкостью, забрал братьев к себе, дабы выслужиться перед господином Лин Шу. Едва показав своё умение в пыточных казематах, братья мгновенно завоевали расположение Левого заместителя судьи Верховного суда.

Дун Чунь перехватил пальцами тонкий, сверкающий нож, формой напоминающий ивовый лист. Оружие со свистом крутанулось между средним и указательным пальцами — быстро, изящно, завораживающе.

С перепуганного чиновника сорвали остатки одежды и намертво привязали его к деревянной раме, зажав запястья железными кольцами. Следом палач плеснул на него из ведра тёплой

водой. Несчастный испустил истошный, леденящий душу вопль. Ян Е вздрогнул, решив, что бедолагу ошпарили крутым кипятком, но быстро понял, что вода была просто горячей — лишь для того, чтобы кожа распарилась и легче отделялась от мяса.

Пытка началась.

Дун Чунь сделал первый надрез у самого бедра. Его движения были точными, выверенными годами работы. Он снимал кожу тончайшим пластом, не задевая ни сухожилий, ни костей, и почти без крови. Посреди процесса пленник, сорвав голос от дикого крика, потерял сознание, но его быстро привели в чувство новой порцией боли. Так повторялось несколько раз.

Лин Шу стоял совсем близко, не отводя глаз. В глубине его зрачков плясали едва заметные, пугающие огоньки безумного восторга. Заметив, что судья вот-вот испустит дух, он небрежно бросил:

— Дайте ему отвара.

Несчастному тут же влили в рот чашу с женьшенем. Ян Е с содроганием смотрел на сочащуюся сукровицей красно-белую плоть, под которой судорожно пульсировали синеватые вены. Ужасные вопли, эхом отскакивающие от каменных сводов темницы, заставляли кровь стыть в жилах. Ян Е почувствовал, как к горлу подкатывает тяжёлая, липкая тошнота. Ему безумно хотелось закрыть глаза, но, помня о своём хвастовстве, он лишь процедил сквозь зубы, сиюсья сохранить равнодушный вид:

— Больной ублюдок... Нашёл на что переводить ценный женьшень.

Почувствовав на себе холодный взгляд Лин Шу, Ян Е тут же нацепил на лицо беззаботную, наглую улыбку:

— Охо-хо-хо! Какое зрелище! До чего же занятно! Признаю, господин Лин, сегодня я знатно расширил свой кругозор. Премного благодарен за науку.

Когда палач закончил, на раме покачивались четыре окровавленных лоскута кожи, снятых с рук и ног несчастного. Лин Шу подошёл ближе, подперев подбородок рукой, и залюбовался своей жуткой коллекцией. Затем он медленно протянул изящную белую руку и двумя пальцами приподнял лоскут, снятый с левого предплечья. Он разглядывал человеческую кожу с таким благоговением, словно это была не окровавленная плоть, а драгоценная тончайшая бумага изысканного качества, на которой искусный мастер изобразил ветви цветущей красной сливы.

— Сегодня вышло куда чище, — удовлетворённо кивнул Лин Шу. — И крови почти нет. Наградить.

Он вернул лоскут на место. Дун Чунь поспешно склонился в глубоком поклоне:

— Благодарю за милость, господин!

Подручные почтительно пододвинули Лин Шу тяжёлое кресло. Стоило ему сесть, как уездный судья очнулся и хрипло, из последних сил простонал:

— Господин... пощадите... Я всё... всё подпишу...

Лин Шу лениво прикрыл глаза:

— Теперь твоё признание мне без надобности. Тащите мельницу.

Один из стражников выкатил небольшое, искусно сделанное каменное жерло. Дун Чунь освободил изувеченную руку пленника из кольца и затолкнул её прямо в отверстие. Раздался глухой скрежет вращающегося камня. Пленник закатил глаза и снова провалился в беспамятство.

— Вот это и зовётся «Песнью водных глубин», — негромко произнёс Лин Шу, переводя взгляд на Ян Е. — Ну что, маркиз Хуайнань, всё ещё весело?

— Весело, — выдавил Ян Е, сжимая зубы так, что заболели челюсти. — Очень... весело...

Больше он не смел произнести ни слова, боясь, что его тут же вывернет наизнанку, и тогда позору не обернуться.

Но сдержать лицо до конца ему всё же не удалось.

Изувеченные конечности пленника наспех перевязали. Когда за узкими окнами окончательно сгустились сумерки, несчастный снова застонал, приходя в себя.

— Проголодался? — вкрадчиво поинтересовался Лин Шу. — Пора бы тебе поужинать.

В камеру внесли тарелку с дымящимися пельменями. Они были крошечными, аккуратными, с тонким, почти прозрачным тестом, сквозь которое просвечивала нежно-розовая начинка. Выглядели они на редкость аппетитно. Дун Чунь поднёс один к губам судьи, но тот, разумеется, не мог сделать ни глотка. Палач принялся насильно заталкивать еду ему в рот.

В воздухе разлился удивительно приятный, дразнящий аромат. Ян Е, который со вчерашнего дня не видел ничего, кроме двух чаш женьшеневого отвара, невольно сглотнул слюну. В животе у него предательски заурчало.

Лин Шу уловил этот звук и повернул к нему голову:

— Тоже проголодался?

Ян Е промолчал, подозревая, что от этого чудовища не дождёшься милости.

— Твою руку только что перемололи в фарш, — холодно продолжил Лин Шу. — Справедливость требует, чтобы плоть вернулась к хозяину. Если хочешь отведать угощения — плати собственной рукой.

Этого Ян Е вынести уже не смог. Его согнуло пополам от судорожного рвотного позыва. Задышавшись от кашля и липкой слюны, он закричал сквозь рвоту:

— Тварь! Животное! Да в тебе хоть что-то человеческое осталось?! Ублюдок... кха-ко... кхэ!

— Надо же, какая брезгливость, — равнодушно отозвался Лин Шу. — Слишком плохо играешь свою роль. Ладно, у тебя есть вся ночь, чтобы подумать над признанием. Эй, наденьте на него «Нефритовое одеяние с золотыми нитями».

Похоже, Лин Шу решил закончить на сегодня. Когда на измученное тело Ян Е вновь натянули тяжёлый пыточный доспех, его пробила крупная, неудержимая дрожь. Острые иглы вонзились в израненную кожу, заставляя каждый нерв взрываться невыносимой болью. Хотя он и остался сиротой в раннем детстве, но рос под крылом и заботой Ян Си, не зная лишений. Разве мог он представить, что когда-нибудь окажется в этом аду?

Понимая, что впереди его ждёт ещё одна бесконечная ночь кошмара, Ян Е прошептал, едва шевеля губами:

— Лин Шу... умоляю... убей меня... Дай мне умереть быстро...

Лин Шу остановился у самых дверей и обернулся:

— Ты императорской крови. Сверху приказали — ты должен жить.

— Да плевать мне на эту кровь! — в ярости закричал Ян Е, из последних сил пытаясь вырваться из тисков доспеха. — Мои родители давно мертвы, я никто! Убей меня! Слышишь, убей!

— Выбор за тобой, — отозвался Лин Шу. — Поставь свою подпись, и я отпущу тебя в ту же секунду.

Тяжело дыша, Ян Е сквозь слёзы выплюнул:

— Пошёл ты к чёрту! Не подпишу!

Лин Шу больше не удостоил его ответом и вышел вон.

— Вернись, паршивый трус! Тварь! Сумасшедший ублюдок! — кричал ему вслед Ян Е, пока шаги за дверью не затихли.

В колеблющемся, багровом свете факелов тюремные стражники казались выходцами с того света. Ян Е тоскливо смотрел на узкие решётки под потолком, за которыми давно царила глухая ночь. Он лихорадочно перебирал в голове события последних дней. Сможет ли та девица по имени Фэн Гэ вытащить его? Надеяться на незнакомку в таком деле казалось полным безумием, но другого выхода у него просто не было.

Боль терзала тело, словно его заживо поджаривали на раскалённых углях. Чувствуя, как бездна отчаяния медленно затягивает его, Ян Е тихо заговорил сам с собой, надеясь не сойти с ума:

"Юньци... Слышишь ли ты меня? Знаешь ли, где я? Если не спасёшь меня сейчас, клянусь, больше никто не станет капризничать и изводить тебя своими каверзами. К тебе по ночам будет приходить злобный, безобразный призрак. Я буду стоять у твоего изголовья, утыканный серебряными иглами, с раскалённым клеймом на груди, и завывать до самого утра! Страшно тебе? Если страшно — поторопись..."

Вдруг из тёмного, неосвещённого угла камеры раздался тихий, едва слышный смешок.

Ян Е замер. Из густой тени бесшумным силуэтом скользнул незнакомец.

— Кто здесь?! — рявкнул один из стражников, но закончить фразу не успел. В следующую секунду пришелец мёртвой хваткой вцепился ему в горло и повалил на каменный пол. Раздался глухой хруст, и охранник затих навсегда.

В мгновение ока каземат заполнился криками, свистом обнажаемых клинков и яростной бранью. В тесном пространстве завязалась яростная схватка. Факелы испуганно метались, отбрасывая на стены безумные тени.

Ян Е, не веря своим глазам, закричал от радости:

— Сюда! Снимите с меня эту дрянь, я сейчас сдохну от боли!

Из-за его спины раздался напряжённый голос Чжунли Чжэня:

— Господин маркиз, я не знаю, как устроен этот чёртов замок. Пытаюсь разобраться.

— Быстрее, ради всего святого! — взмолился Ян Е. — Если ты будешь копать, мне придётся

до конца жизни терпеть издевательства Юньци!

Он скосил глаза на нападавших. Все они были в чёрных масках, скрывающих лица, а их одежды были испачканы свежей землёй. Тот, что шёл впереди, орудовал изогнутой саблей с такой невероятной скоростью и безжалостностью, что сомнений не оставалось — это был его Юньци. За его спиной рубились ещё четверо. Среди них Ян Е узнал Нянь Вэя. Остальные трое орудовали длинными шестами со странными полукруглыми наконечниками. Они вращали их с такой силой, что свист стоял на всю темницу. Это были братья Ма — Ма Тяньбо, Ма Тяньюнь и Ма Тяньхуа, которых Ян Е в шутку звал своей «Тройкой Ма».

Чжунли Чжэнь слыл мастером по части хитрых замков и механизмов, но этот пыточный доспех был изготовлен с дьявольским мастерством, и открыть его с ходу не удавалось. Ян Е заметил, как по лбу мастера катится холодный пот, и поспешил его приободрить, силясь унять дрожь:

— Да ладно тебе, не суетись. Я пошутил, не так уж мне и больно. Как вы вообще сюда пробрались?

<http://bllate.org/book/19546/1956163>